

— *Театр и Искусство*. такъ характеризуютъ передѣлку „*Томы Гордѣева*“ г. Евдокимовымъ для сцены. Взявъ приблизительно около 30 отдельныхъ сценъ изъ разсказа, г. Евдокимовъ неуклюже соединилъ ихъ въ десять аляповатыхъ и тяжелыхъ картинъ. Почти въ каждую картину передѣлки вошли такія сцены разсказа, между которыми протекли года и каждая изъ которыхъ характеризуетъ тотъ или иной моментъ жизни героевъ. Но это не все. Г. Евдокимову показалось мало тѣхъ эффектовъ, которые имѣются въ разсказѣ, и онъ почти къ каждой изъ картинъ придумываетъ свой конецъ, въ который нагромождаетъ тѣму эффектовъ, рассчитанныхъ на самый грубый вкусъ. Такъ, напр., Игнатъ передъ смертью у г. Евдокимова мучается потому, что не слышитъ колокола и говоритъ о томъ, что ему ужъ больше не придется услышать колокольнаго звона. Между тѣмъ, весь смыслъ этой сцены у Горькаго и основанъ на звукѣ колоколовъ, ибо Игнатъ говоритъ сыну: „Вотъ и къ обѣдни ударили... Слышишь?... басовый такой, что у Николы, Петра Вягина жертва... а этотъ, съ хрипотой, это у Праскевы Пятницы“... Для того, чтобы дать актерамъ материалъ „подъ завѣсъ“ г. Евдокимовъ до неузнаваемости извращаетъ автора не только въ этой картинѣ, но и въ большинствѣ остальныхъ. Но особенно остроумно у г. Евдокимова то, что, напр., *Томъ* въ 25 лѣтъ рядомъ съ тѣмъ, что ему полагается, говорить и то, что онъ говорилъ въ раннемъ дѣтствѣ и что въ устахъ взрослого мужчины совершенно непонятно.